

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

М. Л. Гаспаров

МАРИНА ЦВЕТАЕВА: ОТ ПОЭТИКИ БЫТА К ПОЭТИКЕ СЛОВА.

7

ТАЙНЫЙ ЖАР

21

НЕБО ПОЭТА

85

МНЕ НРАВИТСЯ, ЧТО ВЫ БОЛЬНЫ НЕ МНОЙ

115

ПОБЕГ

187

Я БЛАГОДАРНА ПОЭТАМ

205

ПОЭМЫ

479

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

567

Послесловие

Л. К. Чуковская

Предсмертие

612

ПРЕДИСЛОВИЕ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА: ОТ ПОЭТИКИ БЫТА К ПОЭТИКЕ СЛОВА

Касаясь предлагаемой темы, к сожалению, придется говорить не о конкретных произведениях, а о самых общих особенностях развития поэтики Цветаевой — о таких вещах, где трудно быть доказательным и можно лишь стараться быть убедительным. Я думаю, что ничего нового я не скажу, а лишь постараюсь четче сформулировать те впечатления, которые, вероятно, возникают у каждого, когда читаешь сочинения Цветаевой подряд, от самых ранних к самым поздним.

Начинается Цветаева стихами первых двух книг, которые ощущаются как ученические, перечитываются редко и в избранные сочинения отбираются скудно. И по изображенному в них домашнему миру, и по цветаевским беглым автокомментариям создается впечатление, что писались они в домашнем уединении, вдали от литературного быта, наедине с собой и с вечностью — Гете, Наполеоном и т. д. Мы знаем, что это впечатление — иллюзия, что на самом деле это не так. Творчество молодой Цветаевой текло в русле московской литературной жизни 1910—1912 гг. и вполне вписывалось в картину молодой поэзии. Центром этой литературной жизни был Московский литературно-художественный кружок, а дирижером Брюсов; Цветаева там получила конкурсную премию. Кроме того, существовала редакция «Мусагета», которая тоже притягивала не всех, но некоторых молодых поэтов; Цветаеву туда ввел Эллис.

Общая литературная ситуация в передовой поэзии этого времени тоже известна. К 1910 г. завершил свой цикл развития символизм, вожди его перестали быть группой и пошли каждый своим путем; выработанная ими поэтика — очень богатый и пестрый набор образов, эмоций, стиля, стиха — осталась достоянием учеников. Именно набор, а не «система»: системой поэтика символизма была только в творчестве каждого отдельного из ведущих поэтов, а для наследников она

распалась на кучу приемов, некое стилистическое эсперанто, преимущественно из брюсовских элементов, в котором каждый должен был разбираться по-своему. Это то, о чем Пастернак, сам принадлежавший к этому поколению и к этой среде, писал потом в юбилейной инвективе Брюсову: «И мы на перья разодрали крылья». Задача, стоявшая перед каждым из молодых поэтов, от В. Шершеневича и Над. Львовой (которых Брюсов, как кажется, считал «первыми учениками» своей школы) до Пастернака и Цветаевой, состояла в том, чтобы связать из этих общих перьев собственные крылья (Икаровы, так сказать), выработать индивидуальную манеру, или же остаться неразличимым в массовой эпигонской поэзии. Брюсов со своей новой кафедры в «Русской мысли» именно с этой точки зрения судил и оценивал поток новых стихов, по каждому случаю напоминая, что у них, старших, все это уже было и что для новизны и индивидуальности требуется что-то большее, а в ожидании этого неопределенного «чего-то» одинаково высокомерно-снисходительно похваливал и Анну Ахматову, и какого-нибудь Александра Булдеева. Вся эта обстановка очень интересна для исследования, хотя, к нашему стыду, молодая московская поэзия этих лет изучается гораздо меньше, чем молодая петербургская, группировавшаяся вокруг Цеха поэтов.

Чтобы найти и утвердить собственный образ, чтобы стать непохожей на других — для этого молодая Цветаева выбрала свой собственный путь и держалась его очень последовательно. Это было превращение стихов в дневник. Разумеется, это не было открытие неизведанного: символисты в один голос учили чувствовать ценность мгновения. Брюсов называл «Мгновения» зарисовочные разделы в своих сборниках, а хронологическая, до мелочей, последовательность расположения стихов была нормой для всех изданий классиков. Образцовое произведение дневникового жанра на максимуме откровенности было у всех перед глазами: «Дневник» Марии Башкирцевой; известно, как Цветаева поклонялась Башкирцевой и анонсировала в 1913 г. книгу о ней. Но под влиянием Башкирцевой были многие, а превратила дневник в поэзию только Цветаева: для того чтобы осуществить такое скрещение жанров так последовательно, нужна была творческая воля и человеческая смелость.

Смелость — потому что обычно в поэтический дневник шли, разумеется, не все, а лишь избранные чувства и впечатления жизни: поэтические, приподнятые над бытом.

Цветаева же понесла в поэзию самый быт: детская, уроки, мещанский уют, чтение таких авторов, как Гауф или малоуважаемый Ростан, — все это по критериям 1910 г. было не предметом для поэзии, и говорить об этом стихами было вызовом. Сейчас редко вспоминают вольфовский детский журнал «Задушевное слово» для младшего и старшего возраста, образец невысокопробной массовой литературы (это в нем читала Цветаева повесть Л. Чарской «Княжна Джаваха», которой посвятила патетические стихи), но можно прямо сказать, что стихи молодой Цветаевой по темам и эмоциям ближайшим образом напоминают стихи из этого богом забытого журнала, только отделанные безукоризненно усвоенной брюсовской и послебрюсовской техникой. Чтобы слить такие два источника, объявить детскую комнату поэтической ценностью, для этого и нужен был самоутверждающий пафос цветаевской личности: «если я есмь я, то все, связанное со мной, значимо и важно».

Такая установка на дневник имела важные последствия. Во-первых, она обязывала к многописанию: дневник не дневник, если он не ведется день за днем. Отсюда привычка к той редкой производительности, которая осталась у Цветаевой навсегда. Для читателя это могло стать скучным, а то и произвести впечатление графоманства; но для автора это был драгоценный опыт работы над словом, после него для Цветаевой уже не было задач, которые нужно было решать в слове, а только такие, которые нужно было решать с помощью слова и по ту сторону слова.

Во-вторых, она затрудняла подачу материала: в стихах, которые пишутся день за днем, одни впечатления перебивают другие, отстают на несколько дней и потом возвращаются опять, — как же их подавать, подряд, по переключке дней или циклами, по переключке тем? Здесь Цветаева так и не нашла единого выхода, некоторые темы так и остались у нее вывалившимися из дневникового ряда, как «Стихи к Блоку» и «Лебединый стан»; а при некоторых стихотворениях печатались извиняющиеся перед самой собой приписки: «Перенесено сюда по внутреннему сродству» (наиболее дальний перенос — последнее стихотворение в цикле «Бессонница»). При издании «Вечернего альбома», как известно, Цветаева все-таки пошла навстречу удобству читателей и разнесла стихи по темам, по трем разделам, в зависимости от источников вдохновения: быт, душевная жизнь, читанные книги. Принят был «Вечерний

альбом», как мы знаем, сдержанно-хорошо, — отмечалась, конечно, вызывающая интимность, «словно заглянул нескромно через полузакрытое окно в чужую квартиру» (Брюсов); но вызывающая позиция в это время входила в правила хорошего поэтического тона и сама по себе никого не отпугивала, наоборот, когда через два года появился «Волшебный фонарь», то отношение к нему оказалось гораздо прохладнее — именно потому, что в нем уже не было вызывающей новизны и он воспринимался читателями как самоповторение.

На переходе от двух первых книг к «Юношеским стихам» 1913–1915 гг. установка на дневник и на поэтизацию быта не изменилась, наоборот, она была прямо продекларирована в известном предисловии к сборнику «Из двух книг»: «Мои стихи — дневник, моя поэзия — поэзия собственных имен... Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох... Нет ничего неважного! Говорите о своей комнате: высока она или низка, и сколько в ней окон, и какие на ней занавески, и есть ли ковер, и какие на нем цветы — все это будет телом вашей оставленной в огромном мире бедной, бедной души». Эту программу Цветаева реализует, как всегда, не боясь даже показаться смешной; вспомним в цикле «Подруга»:

Могу ли не вспоминать я
Тот запах White Rose и чая
И севрские фигурки
Над пышащим камельком...

Мы были: я — в пышном платье
Из чуть золотого фая,
Вы — в вязаной черной куртке
С крылатым воротником...

Не меняется установка на поэтизацию быта, но меняется сам поэтизируемый быт: прежний, детский быт был готово-поэтичен и заданно-уютен (хотя бы на долитературном уровне «Задушевного слова»), из него шло в поэзию все; новый, взрослый быт хрупок, окружен враждебной жизнью и грозящей смертью («улица мстит», по словам из письма 1917 г.), из него в поэзию идет только избранное: красивое, утонченное, воздушное. Так — в стихах 1913–1915 гг., с золотым фаям, генералами 1812 г., браслетами с бирюзой и т. д. Перед

Цветаевой открывалась реальная опасность стать салонной поэтессой.

Перелом от 1915 к 1916 г., от «Юношеских стихов» к «Верстам», выразился в том, что в поэзию было впущено и тяжелое, темное, враждебное:

...Ночи душные, кушнные...
...Просит нищий грошик
Да ребята гоняют кошку...
...Где-то в ночи Человек тонет...

(Внешне это выразилось в том, что аморфнее, расплывчатее, непредсказуемее сделался стих Цветаевой, до сих пор очень четкий и классичный.) Задачей поэзии стало, соприкоснувшись с этим миром, поглотить его и претворить в высокое и трагичное; стихотворный дневник — хроника этого перебарывания-переваривания; соответственно, меняется идеал: вместо Марии Башкирицевой — Анна Ахматова, которая сумела сделать из банальных бытовых мелочей большую поэзию. Культ Ахматовой уже сложился у Цветаевой к петербургскому выезду на исходе 1915 г. и дал знаменитый цикл в 1916 г.

Но затем, от 1916 к 1917 г., последовал новый перелом: враждебная действительность, впущенная в поэзию, надвинулась еще ближе, и под ее давлением монолит цветаевской лирики, державшийся единством авторского самоутверждения, раскалывается на несколько частей. Воинствующие отклики на современность ложатся отдельно и складываются в конце концов в «Лебединый стан». С противоположной стороны ложатся воинствующие выходы из современности в то, что Цветаева называла «Романтика». Здесь новым оказывается то, что это не откровенничающая лирика, с которой Цветаева начинала («словно заглянул через окно»), а игровая, ролевая: «я буду Жанной д'Арк, а ты Карлом Седьмым», как выразился зоркий на игру П. Антокольский. Такая лирика присутствовала у нее и раньше: по существу это просто из трех разделов «Вечернего альбома» отпал детский, перестроился полудетский и остался книжный. Ранняя игровая лирика жила лишь на правах слабого оттенения, а теперь она выступает на первый план, перерастает малые формы и выливается в пьесы для вахтанговцев и в «Царь-девицу».

Игра — это означает вещи принципиально разнотемные и разностильные, это как бы реализация того, что ей будто

бы говорил Волошин: «В тебе материал десяти поэтов и всех замечательных» — и что она потом сама напишет Иваску: «Из меня... можно бы выделить... семь поэтов, не говоря о прозаиках». Игра поэтическая и игра театральная — это вещи противоположные, поэтому Цветаева так категорически отрекалась от театра в предисловии к «Концу Казановы», и поэтому так сразу определилась взаимная неприязнь ее и Вахтангова, для которого игра была делом жизни. Противоположность была в том, что для театральной игры главное — действие, а для игры поэтической — состояние. Пьесы Цветаевой статичны, это вереницы моментов, каждый из которых порознь раскрывается в монологе, диалоге или песне. «Царь-девица» и «Молодец» — это тоже серия неподвижных сцен, серия внутренних ситуаций, каждая из которых развернута, а переходы между которыми мгновенны. Вот это — раскрытие момента — и оказалось в эти годы наиболее важным опытом для дальнейшей судьбы цветаевской поэтики.

В самом деле, зажатая между стихами «Лебединого стана» и стихами игровой романтики, как стала развиваться у Цветаевой лирика в первоначальном, простейшем смысле слова — стихи о себе и от себя, то, что было дневником? В том же направлении. День лирического дневника сжимается до момента, впечатление — до образа, мысль — до символа, и этот центральный образ начинает разворачиваться не динамически, а статически, не развиваться, а уточняться. Вот первые попавшиеся примеры из самых известных ее стихотворений начала 1920-х гг.:

Два зарева! — нет, зеркала!
Нет, два недута!
Два серафических жезла,
Два черных круга... —

и т. д.; все помнят эти стихи наизусть, а кто скажет, не задумываясь, какое там следует сказуемое за этой вереницей подлежащих?

...Дымят — полярных.

самое незаметное слово в стихотворении. А дальше:

Ужасные! Пламень и мрак!
Две черные ямы... —

где будет сказуемое? В самом конце стихотворения:

Встают — два солнца, два жерла,
— Нет, два алмаза! —
Подземной бездны зеркала:
Два смертных глаза.

Обратим внимание на эти «Нет, зеркала! нет, два недуга!.. нет, два алмаза!..» — уточнение, уточнение, уточнение, на глазах читателя как бы подыскивается наиболее адекватный образ. Стихотворение превращается в нанизывание ассоциаций по сходству, в бесконечный поиск выражения для невыразимого. Роман Якобсон писал, что метафора, ассоциация по сходству, является основой поэтического мышления, а метонимия, ассоциация по смежности, — основой прозаического мышления; стихи зрелой Цветаевой становятся как бы концентратом такого поэтического мышления: цепь метафор, цепь ассоциаций по сходству, и все.

Другой пример — тоже про глаза, тоже 1921 г. — первое стихотворение цикла «Отрок»:

Пустоты отроческих глаз! Провалы
В лазурь! Как ни черны — лазурь! —

и дальше: «игралица для битвы», «дарохранительницы бурь» «зеркальные, ни зыби в них, ни лона», «лазурь, лазурь», «книгохранилица пустот», «провалы отроческих глаз, пролеты, душ раскаленных водопой, оазисы, чтоб всяк хлебнул и отпил» — все то же самое, все только поиск наиболее точного сравнения, и лишь под конец, после «водопоя» и «оазисов», наступает закругление:

Пью — не напыюсь...
...Так по ночам, тревожа сон Давидов,
Захлебывался Царь Саул.

Третий пример — тоже наудачу — из 1923 г., «Наклон»:

Материнское — сквозь сон — ухо.
У меня к тебе наклон слуха,
Духа — к страждущему: жжет? да?
У меня к тебе наклон лба, —

и т. д.: «у меня к тебе наклон крови... неба... рек... век... беспамятства наклон светлый к лютне, лестницы к садам, ветви... всех звезд к земле... стяга к лаврам... крыл, жил...»

Тяга темени к изголовью
Гроба, — годы ведь уснуть тщусь!
У меня к тебе наклон уст
К роднику... —

и многоточие, обрыв на полустрочке.

Обратим внимание на эту оборванность — так обрываются многие стихотворения такого строя: этим как бы демонстрируется, что нанизывание аналогов в принципе бесконечно, настоящего выражения для невыразимого все равно не найти. Ранние стихи Цветаевой, закругленные концовками, писались с конца, начало подгонялось под конец, вспомним ее разговор с Кузминым: «Все ради <последней> строки написано. — Как всякие стихи — ради последней строки. — Которая приходит первой — О, вы и это знаете!» Зрелые стихи Цветаевой не имеют концовок, ни даже концов, они начинаются с начала: заглавие дает центральный, мучающий поэта образ (например, «Наклон»), первая строка вводит в него, а затем начинается нанизывание уточнений и обрывается в бесконечность. А если исходный образ и после этого продолжает мучить поэта, то начинается новое стихотворение с новым, в другом направлении, набором нанизываемых ассоциативных образов, и так собираются цветаевские циклы стихов: «Деревья», «Облака», «Ручьи» и т. д. Самые запоминающиеся строки — начальные (как в народной песне: каждый помнит начало «Не белы снега...», а многие ли помнят конец?).

Мы сказали, что для выработки этой поздней манеры Цветаевой большое значение имел опыт пьес и ролевой лирики. Теперь можно пояснить, чем именно: искусством рефрена. В том промежуточном периоде 1917–1920 гг. Цветаевой написано больше, чем когда-либо, песен в собственном смысле слова, и для пьес, и вне пьес (вплоть до самых знаменитых «... Мой милый, что тебе я сделала...» и «... во чреве / Не материнском, а морском»), и лирических стихотворений, ориентированных если не на песню, то на романс (они тоже выросли из «Юношеских стихов»: «Мне нравится, что вы больны не мной...» написано в 1915 г.). Песня у Цветаевой всегда с рефреном; а это значит: центральным образом или мыслью стихотворения является повторяющаяся формула рефрена, предшествующие рефренам строфы подводят к нему каждый раз с новой стороны и тем самым осмысляют

и углубляют его все больше и больше. Получается топтание на одном месте, благодаря которому мысль идет не вперед, а вглубь, — то же, что и в поздних стихах с нанизыванием слов, уточняющих образ.

Перечитаем стихотворение 1921 г. «Муза» — только по вторым половинам строф:

Идет — отрывается, —
Такая далекая!
...Рукою обветренной
Взяла — и забыла.
...Не злая, не добрая,
А так себе: дальняя.
...Рукою обветренной
Дала — и забыла.
— Храни ее, Господи,
Такую далекую!

Перед нами — готовая схема стихотворения; а к этим концовкам строф уже привычным образом, ориентируясь на конец, подбираются начала строф. Техника такого рефренного строя достигает у Цветаевой исключительной изощренности. Вспомним погребальный хор по Ипполиту в «Федре»: в каждой строфе — три четверостишия, сперва — восклицание в две строки, потом длинная фраза, в середине ее — в середине строфы! — рефрен «Кто на колеснице / Отбыл, на носилках / Едет», и в конце ее, в конце строфы, — полурефрен, параллелизм «только что (такой-то) — Вот уже (такой-то)»:

Скажем или скроем?
В дреме или въяве?
Лежа, а не стоя,
Лежа, а не правя,
Всею поясницей
Вскачь и каждой жилкой —
Кто на колеснице
Отбыл, на носилках
Едет, старец еще...
Пьяный или сонный?
Только что — летящий,
Вот уже — несомый.
Молния! Двуколка!
Путь, лишь робким узок!

Бич, которым щелкал,
Спицы, оси, кузов — Где?
Проспал, возница,
Воз! В щепы, в опилки!
Кто на колеснице
Отбыл, на носилках
Едет, царства стержень
Свеж — в обитель нижню.
Только что несдержный,
Вот уже недвижимый, —

и т. д. пять строф. Пристрастие к рефренным построениям, начавшись в песнях и пьесах, остается у Цветаевой излюбленной основой организации стихотворения на всю жизнь — в ее собрании стихов в любом месте можно перелистать несколько страниц, и всегда найдется рефренный параллелизм. А теперь вообразим себе рефренное стихотворение, перевернутое наоборот: не от нащупывающих строф к центральному образу, а от центрального образа к нащупывающим уточнениям, — и мы получим стихотворение позднего цветаевского типа. Вот в этом смысле и можно сказать, что рефренный стиль был для Цветаевой школой ее поздней манеры.

В предельном своем выражении поздняя манера Цветаевой становится уже углублением не в формулу, как в рефрене, не в образ, как в «Наклоне» и подобных стихотворениях, а в слово, в звуковой и морфологический состав слова, в которых поэт силится уловить тот глубинный смысл, который наконец даст ему возможность высказать не поддающееся высказыванию. Вот стихотворение 1923 г.:

Минута: миная; минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!..

И далее:

Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая...

Минута: мающая! Мнимость
Вскачь — медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! Ты, что минешь:
Минута; милостыня псам!..

Перед нами народная этимология, поэтическая этимология, на самом деле латинское «минута» и русское «минуть» не имеют между собой ничего общего и восходят к разным корням, но набор созвучных слов, выросших вокруг них, дает такую рябь смежных значений, которая делает стихотворение богаче и многозначнее. Вот стихотворение 1925 г.:

Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили...

И потом:

Нас рас-клеили, рас-паяли,
В две руки раз-вели, рас-паяв...
Рас-слоили... Стена да ров.
Рас-селили нас, как орлов...

Здесь героем стихотворения становится уже не слово, не корень, а приставка, и набор пересекающихся на ней слов образует широкое смысловое поле стихотворения; первый опыт такого рода был сделан еще годом раньше в «Поэме Конца»:

— Что мы делаем? Расстаемся. —
Ничего мне не говорит
Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас-стаемся. Одна из ста?..

Почти автопародическим обнажением этого приема — проникновения сквозь созвучья неточных слов к точному — становится (совпадая с обнажением смысловой аллегории) вереница коротких строчек в конце тирады о крысах в «Крысолове»:

— Слово такое!
— Слово такое!

(Сияясь выговорить:)

Не терял,
Начинал.
Интеграл.
Интервал.

Наломал.
Напинал.
Интерна-
цио...

От таких подходов рождается все более частый у поздней Цветаевой прием, когда слова сближаются не только по смыслу, но и по звуку, и этот звук подсказывает некоторый общий мерцающий, не поддающийся точному определению смысл: то, что Ф. Степун назвал цветаевской «фонологической каменоломней». Стихотворение 1934 г., 12 строк, 12 слов, каждое связано с каждым то более, то менее сильной звуковой — а стало быть, и смысловой — связью, и все эти связи ощутимы как единая плотная сеть:

Рябину
Рубили
Зорькою.
Рябина —
Судьбина
Горькая.

Рябина —
Седьми
Спусками.
Рябина!
Судьбина
Русская.

А предыдущее по хронологии стихотворение кончается словами:

...Век мой — яд мой, век мой — вред мой,
Век мой — враг мой, век мой — ад.

И такие примеры — опять-таки почти на каждой цветаевской странице, и чем позже, тем чаще.

Легче всего представить своеобразие этого цветаевского отношения к слову, сопоставив ее с ее антиподом — Пастернаком. Поэзия Пастернака — ранняя, прославившая его, — это поэзия случайного, первого подвернувшегося слова; отсюда — тот стилистический хаос и то синтаксическое косноязычие, которые ошарашивали его первых читателей. Это вызывало ощущение: поэт увлечен такой силой, таким порывом, что ему некогда подыскивать слова и следить за правильностью оборотов. («Сила» — главный критерий Пастернака, когда он судит о достоинствах каких угодно стихов.) Конечно, такой порыв требовал мотиви-

ровки: в «Сестре моей — жизни» такой мотивировкой была любовная страсть, в «Темах и вариациях» — боль разрыва и бред болезни, потом достаточные мотивировки исчерпались и начались поиски новой манеры, приведшие к ереси «неслыханной простоты». Аллитерации, под подбор слов по звукам у Пастернака так же част, как у Цветаевой, но у него это как бы бессознательная ассоциация, тянущая одно слово за другим, а у нее — целенаправленное внедрение именно в это слово с помощью другого. Словесный мир Пастернака — это всесливающий первобытный вихрь, словесный мир Цветаевой — это первозданная расчлененность застывших платоновских идей, для каждой из которых найдено или будет найдено свое слово.

«Поэт — издали заводит речь. Поэта — далеко заводит речь», — писала Цветаева. Следуя логике звукового развёртывания слов, Цветаева приходила порой не к тому, к чему предполагала. У нее есть стихотворение 1918 г., начинающееся: «Бог — прав / Тлением трав, / Сухостью рек, / Воплем калек...» и кончающееся: «Попранным Словом, / Проклятым годом, / Пленом царевым, / Вставшим народом». Дописав, она ужаснулась этой апологии революции и сделала приписку: «NB! Очевидно, нужно понять: Бог все-таки прав, прав — вопреки». Но стихотворения не вычеркнула из «Лебединого стана» и не исправила так, чтобы оно недвусмысленно говорило нужное, а не противоположное. Для нее это было принципом: слово — свыше, поэт (если он поэт) — лишь писец при нем; и «если есть Страшный суд слова — на нем я чиста» («Искусство при свете совести»).

Я не хочу преувеличивать и утверждать, что вся зрелая и поздняя Цветаева именно такова. Конечно нет; конечно, у нее есть и стихи, продолжающие более ранние ее манеры. Но новым и все более важным в ее зрелом и позднем творчестве, на разный лад проникающим всю словесную ткань ее поэзии и даже прозы, является, как кажется, именно то, что мы здесь попытались определить: сближение слов по звуку и вслушивание в получившийся новый смысл; выдвигание слова как образа и нанизывание ассоциаций, уточняющих и обогащающих его старый смысл; рефренное словосочетание как композиционная опора, к которой сходятся все темы всех частей стихотворения. Словом поверяется те-

ма: созвучность слов становится ручательством истинного соотношения вещей и понятий в мире, как он был задуман Богом и искажен человеком. Вот это мы и позволили себе назвать «поэтикой слова» у Марины Цветаевой. Но здесь приходится остановиться: анализ этой поэтики слова был бы очень долог и труден, моя же задача здесь была лишь подвести к ней: «от поэтики быта к поэтике слова» в творчестве Цветаевой.

М. Л. Гаспаров

ТАЙНЫЙ ЖАР

* * *

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

*Коктебель,
13 мая 1913*

* * *

Солнцем жилки налиты — не кровью —
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую...
— Странно чувствовать так сильно и так просто
Мимолетность жизни — и свою.

15 мая 1913

* * *

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
— И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

* * *

Два солнца стыннут — о Господи, пощади!
Одно — на небе, другое — в моей груди.

Как эти солнца — прошу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стыннут — не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

6 октября 1915

* * *

Цветок к груди приколот,
Кто приколот, — не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.

Виолончелью, скрипом
Дверей и звоном рюмок,
И лязгом шпор, и криком
Вечерних поездов,

Выстрелом на охоте
И бубенцами троек —
Зовете вы, зовете
Нелюбленные мной!

Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо —
И выстрелит в упор.

22 октября 1915

* * *

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь — уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки,
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

* * *

Полнолуние, и мех медвежий,
И бубенчиков легкий пляс...
Легкомысленнейший час! — Мне же
Глубочайший час.

Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилоствовал мне взгляд,
На пригорке монастырь светел
И от снега — свят.

Вы снежинки с груди собольей
Мне целовываете, друг,
Я на дерево гляжу, — в поле
И на лунный круг.

За широкой спиной ямщицкой
Две не встретятся головы.
Начинает мне Господь — сниться,
Отоснились — Вы.

27 ноября 1915

* * *

Руки даны мне — протягивать каждому обе,
Не удержать ни одной, губы — давать имена,
Очи — не видеть, высокие брови над ними —
Нежно дивиться любви и — нежней — нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжеле,
Безостановочно ходит и ходит в груди, —
Это — кто знает? — не знаю, — быть может, —
должно быть —
Мне загоститься не дать на российской земле!

2 июля 1916

* * *

В огромном городе моем — ночь.
Из дома сонного иду — прочь.
И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет путь,
И где-то музыка в окне — чуть.
Ах, нынче ветру до зари — дуть
Сквозь стенки тонкие груди — в грудь.

Есть черный тополь, и в окне — свет,
И звон на башне, и в руке — цвет,
И шаг вот этот — никому — вслед,
И тень вот эта, а меня — нет.

Огни — как нити золотых бус,
Ночного листика во рту — вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам — снюсь.

*Москва,
17 июля 1916*

* * *

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, — ничьим.
В медленных жилах еще занывают стрелы —
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга — в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, — и от темной ночи
Только одно темнеет у нас — глаза.

19 июля 1916

* * *

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночи подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей,
Про сторожа-гуся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти,
Пес был — сед.
Потом, к шести,
Начался рассвет.

20 июля 1916

* * *

Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус —
Окончательнее пасть.

Я от горечи — целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи — другую
Ночью за руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.

10 июня 1917

АЛЕ

А когда — когда-нибудь — как в воду
И тебя потянет — в вечный путь,
Оправдай змеиную породу:
Дом — меня — мои стихи — забудь.

Знай одно: что завтра будешь старой.
Пей вино, правь тройкой, пой у Яра,
Синеокою цыганкой будь.
Знай одно: никто тебе не пара —
И бросайся каждому на грудь.

Ах, горят парижские бульвары!
(Понимаешь — миллионы глаз!)
Ах, гремят мадридские гитары!
(Я о них писала — столько раз!)

Знай одно: (твой взгляд широк от жара,
Паруса надулись — добрый путь!)
Знай одно: что завтра будешь старой,
Остальное, деточка, — забудь.

11 июня 1917

* * *

Только живите! — Я уронила руки,
Я уронила на руки жаркий лоб.
Так молодая Буря слушает Бога
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыхания
Властная вдруг — словно с неба — ложится длань.
И на уста мои чьи-то уста ложатся.
— Так молодую Бурю слушает Бог.

20 июня 1917

Любви старинные туманы

1

Над черным очертаньем мыса —
Луна — как рыцарский доспех.
На пристани — цилиндр и мех,
Хотелось бы: поэт, актриса.

Огромное дыхание ветра,
Дыхание северных садов, —
И горестный, огромный вздох:
— Ne laissez pas traîner mes lettres!¹

2

Так, руки заложив в карманы,
Стою. Синее водный путь.
— Опять любить кого-нибудь? —
Ты уезжаешь утром рано.

¹ «Не раскидывайте мои письма!» (*фр.*)

Горячие туманы Сити —
В глазах твоих. Вот так, ну вот...
Я буду помнить — только рот
И страстный возглас твой: — Живите!

3

Смывает лучшие румяна —
Любовь. Попробуйте на вкус,
Как слезы — солоны. Боюсь,
Я завтра утром — мертвой встану.
Из Индии пришлите камни.
Когда увидимся? — Во сне.
— Как ветрено! — Привет жене,
И той — зеленоглазой — даме.

4

Ревнивый ветер треплет шаль.
Мне этот час сужден — от века.
Я чувствую у рта и в веках
Почти звериную печаль.
Такая слабость вдоль колен!
— Так вот она, стрела Господня!
— Какое зарево! — Сегодня
Я буду бешеной Кармен.
...Так, руки заложив в карманы,
Стою. Меж нами океан.
Над городом — туман, туман.
Любви старинные туманы.

19 августа 1917

* * *

Из Польши своей спесивой
Принес ты мне речи льстивые,
Да шапочку соболиную,

Да руку с перстами длинными,
Да нежности, да поклоны,
Да княжеский герб с короною.

— А я тебе принесла
Серебряных два крыла.

20 августа 1917

* * *

Нет! Еще любовный голод
Не раздвинул этих уст.
Нежен — оттого что молод,
Нежен — оттого что пуст.

Но увы! На этот детский
Рот — Ширази лепестки! —
Все людское людоедство
Точит зверские клыки.

23 августа 1917

* * *

Семь мечей пронзали сердце
Богородицы над Сыном.
Семь мечей пронзили сердце,
А мое — семижды семь.

Я не знаю, жив ли, нет ли
Тот, кто мне дороже сердца,
Тот, кто мне дороже Сына...

Этой песней — утешаюсь.
Если встретится — скажи.

25 мая 1918

* * *

Я — есмь. Ты — будешь. Между нами — бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться — тщетно.
Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют. — Бог мостов не строит.

Будь! — это заповедь моя. Дай — мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я — есмь. Ты — будешь. Через десять весен
Ты скажешь: — есмь! — а я скажу: — когда-то...

6 июня 1918

* * *

Ночи без любимого — и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому —
Кто от века не был — и не будет,
Кто не может быть — и должен быть.
И слеза ребенка по герою,
И слеза героя по ребенку,
И большие каменные горы
На груди того, кто должен — вниз...

Знаю всё, что было, всё, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется — Жизнь.

Между 30 июня и 6 июля 1918

* * *

Как правая и левая рука,
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого — до левого крыла!

10 июля 1918

* * *

Доблесть и девственность! — Сей союз
Древен и дивен, как Смерть и Слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой —

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши — Мира!
Нежную руку кладу на меч:
На лебединую шею Лиры.

27 июля 1918

* * *

Каждый стих — дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец — у колеи
На поклон ветрам — положенный.

Сердцу ад и алтарь,
Сердцу — рай и позор.
Кто отец? — Может — царь.
Может — царь, может — вор.

14 августа 1918

КОМЕДЬЯНТ

1

Не любовь, а лихорадка!
Легкий бой лукав и лжив.
Нынче тошно, завтра сладко,
Нынче помер, завтра жив.

Бой кипит. Смешно обоим:
Как умен — и как умна!
Героиней и героем
Я равно обольщена.

Жезл пастуший — или шпага?
Зритель, бой — или гавот?
Шаг вперед — назад три шага,
Шаг назад — и три вперед.

Рот как мед, в очах доверье,
Но уже взлетает бровь.
Не любовь, а лицемерье,
Лицедейство — не любовь!

И итогом этих (в скобках —
Несодеянных!) грехов —
Будет легонькая стопка
Восхитительных стихов.

20 ноября 1918

2

Мало ли запястий
Плелось, вилось?
Что тебе запястье
Мое — далось?

Все кругом да около —
Что кот с мышом!
Нет, — очами, сокол мой,
Глядят — не ртом!

19 ноября 1918

3

Дружить со мной нельзя, любить меня — не можно!
Прекрасные глаза, глядите осторожно!

Баркасу должно плыть, а мельнице — вертеться.
Тебе ль остановить круж́ащееся сердце?

Порукою тетрадь — не выйдешь господином!
Пристало ли вздыхать над действием комедийным?

Любовный крест тяжел — и мы его не тронем.
Вчерашний день прошел — и мы его схороним.

20 ноября 1918

4

Не успокоюсь, пока не увижу.
Не успокоюсь, пока не услышу.
Вашего взора пока не увижу,
Вашего слова пока не услышу.

Что-то не сходится — самая малость!
Кто мне в задаче исправит ошибку?
Солоно-солоно сердцу досталась
Сладкая-сладкая Ваша улыбка!

– Баба! – мне внуки на урне напишут.
И повторяю – упрямо и слабо:
Не успокоюсь, пока не увижу,
Не успокоюсь, пока не услышу.

23 ноября 1918

5

Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
– Ах, Вы похожи на улыбку Вашу! –
Сказать еще? – Златого утра краше!
Сказать еще? – Один во всей вселенной!
Самой Любви младой военнопленный,
Рукой Челлини ваянная чаша.

Друг, разрешите мне на лад старинный
Сказать любовь, нежнейшую на свете.
Я Вас люблю. – В камине воеет ветер.
Облокотясь – уставясь в жар каминный –
Я Вас люблю. Моя любовь невинна.
Я говорю, как маленькие дети.

Друг! Всё пройдет! Виски в ладонях сжаты,
Жизнь разожмет! – Младой военнопленный,
Любовь отпустит вас, но – вдохновенный –
Всем пророкочет голос мой крылатый –
О том, что жили на земле когда-то
Вы – столь забывчивый, сколь незабвенный!

25 ноября 1918

6

Короткий смешок,
Открывающий зубы,
И легкая наглость прищуренных глаз.
– Люблю Вас! – Люблю Ваши зубы и губы,
(Все это Вам сказано – тысячу раз!)

Еще полюбить я успела – постоит! –
Мне помнится: руки у Вас хороши!
В долгу не останусь, за всё – успокойтесь –
Воздам неразменной деньгою души.

Посмейтесь! Пусть нынешней ночью приснятся
Мне впадины чуть улыбнувшихся щек.
Но даром — не надо! Давайте меняться:
Червонец за грошик: смешок — за стишок!

27 ноября 1918

7

Розовый рот и брововый ворот —
Вот лицедеи любовной ночи.
Третьим была — Любовь.

Рот улыбался легко и нагло.
Ворот кичился брововым мехом.
Молча ждала Любовь.

8

Сядешь в кресла, полон лени.
Встану рядом на колени,
Без дальнейших повелений.

С сонных кресел свесишь руку.
Подыму ее без звука,
С перстеньком китайским — руку.

Перстенок начищен мелом.
— Счастлив ты? — Мне нету дела!
Так любовь моя велела.

5 декабря 1918

9

Ваш нежный рот — сплошное целованье... —
И это всё, и я совсем как нищий.
Кто я теперь? — Единая? — Нет, тыща!
Завоеватель? — Нет, завоеванье!

Любовь ли это — или любованье,
Пера причуда — иль первопричина,
Томленье ли по ангельскому чину —
Иль чуточку притворства — по призванью.

– Души печаль, очей очарованье,
Пера ли росчерк – ах! – не все равно ли,
Как назовут сие уста – доколе
Ваш нежный рот – сплошное целованье!

Декабрь 1918

10

«Поцелуйте дочку!»
Вот и всё. – Как скупое! –
Быть несчастной – глупо.
Значит, ставим точку.

Был у Вас бы малый
Мальчик, сын единый –
Я бы Вам сказала:
«Поцелуйте сына!»

11

Бренные губы и бренные руки
Слепо разрушили вечность мою.
С вечной Душою своею в разлуке –
Бренные губы и руки пою.

Рокот божественной вечности – глуше.
Только порою, в предутренний час –
С темного неба – таинственный глас:
– Женщина! – Вспомни бессмертную душу!

Конец декабря 1918

12

В ушах два свиста: шелка и метели!
Бьется душа – и дышит кровь.
Мы получили то, чего хотели:
Вы – мой восторг – до снеговой постели,
Я – Вашу смертную любовь.

27 января 1919

13

Шампанское вероломно,
А все ж наливай и пей!
Без розовых без цепей
Наспишься в могиле темной!

Ты мне не жених, не муж,
Твоя голова в тумане...
А вечно одну и ту ж —
Пусть любит герой в романе!

14

Скучают после кутежа.
А я как веселюсь — не чаешь!
Ты — господин, я — госпожа,
А главное — как ты, такая ж!
Не обманись! Ты знаешь сам
По злому холодку в гортани,
Что я была твоим устам —
Лишь пеною с холмов Шампани!

Есть золотые кутежи.
И этот мой кутеж оправдан:
Шампанское любовной лжи —
Без патоки любовной правды!

15

Да здравствует черный туз!
Да здравствует сей союз
Тщеславья и вероломства!
На темных мостах знакомства,
Вдоль всех фонарей — любовь!

Я лживую кровь свою
Пою — в вероломных жилах.
За всех вероломных милых
Грядущих своих — я пью!

38

Да здравствует комедьянт!
Да здравствует красный бант
В моих волосах веселых!
Да здравствуют дети в школах,
Что вырастут — пуще нас!

И, юности на краю,
Под тенью сухих смоковниц —
За всех роковых любовниц
Грядущих твоих — я пью!

Москва, март 1919

* * *

Солнце — одно, а шагает по всем городам.
Солнце — мое. Я его никому не отдам.
Ни на час, ни на луч, ни на взгляд. — Никому. —
Никогда!
Пусть погибают в бессменной ночи города!
В руки возьму! Чтоб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!
В вечную ночь пропадет — погонюсь по следам...
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

Февраль 1919

* * *

Она подкрадется неслышно —
Как полночь в дремучем лесу.
Я знаю: в передничке пышном
Я голубя Вам принесу.
Так: встану в дверях — и ни с места!
Свинцовыми гирями — стыд.
Но птице в переднике — тесно,
И птица — сама полетит!

19 марта 1920

* * *

О нет, не узнает никто из вас
— Не сможет и не захочет! —
Как страстная совесть в бессонный час
Мне жизнь молодую точит!

Как душит подушкой, как бьет в набат,
Как шепчет все то же слово...
— В какой обратился треклятый ад
Мой глупый грешок грошовый!

Март 1919

* * *

Упадешь — перстом не двину.
Я люблю тебя как сына.

Всей мечтой своей довлея,
Не щадя и не жалея.

Я учу: губам полезно
Раскаленное железо,
Бархатных ковров полезней —
Гвозди — молодым ступням.

А еще в ночи беззвездной
Под ногой — полезны — бездны!

Первенец мой крутолобий!
Вместо всей моей учебы —
Материнская утроба
Лучше — для тебя была б.

Октябрь 1919

* * *

Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем.

Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным — так далеко-далёко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню — на руке моей рабочей —
Серебряных перстней, — чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...
Как в страшный год, возвышены Бедою,
Ты — маленькой была, я — молодою.

Октябрь 1919

* * *

Да, вздохов обо мне — край непочатый!
А может быть — мне легче быть проклятой!
А может быть — цыганские заплаты —
Смиренные — мои

Не меньше, чем несмешанное золото,
Чем белизной пылающие латы
Пред ликом судии.

Долг плясуна — не дрогнуть вдоль каната,
Долг плясуна — забыть, что знал когда-то —

Иное вещество,
Чем воздух — под ногой своей крылатой!
Оставь его. Он — как и ты — глашатай
Господа своего.

17 мая 1920

* * *

Суда поспешно не чини:
Непрочен суд земной!
И голубиной — не черни
Галчонка — белизной.

А впрочем — что ж, коли не лень!
Но всех перелюбя,
Быть может, я в тот черный день
Очнусь — белей тебя!

17 мая 1920

Пригвождена

1

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что — невинна.

Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем.
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою — за счастьем.

Пересмотрите всё мое добро,
Скажите — или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей руке — лишь горстка пепла!

И это всё, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это всё, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.

2

Пригвождена к позорному столбу,
Я все ж скажу, что я тебя люблю.
Что ни одна до самых недр — мать
Так на ребенка своего не взглянет.
Что за тебя, который делом занят,
Не умереть хочу, а умирать.

Ты не поймешь, — малы мои слова! —
Как мало мне позорного столба!

Что если б знамя мне доверил полк,
И вдруг бы ты предстал перед глазами —
С другим в руке — окаменев как столб,
Моя рука бы выпустила знамя...

И эту честь последнюю поправ,
Прениже ног твоих, прениже трав.
Твоей рукой к позорному столбу
Пригвождена — березкой на лугу
Сей столб встает мне, и не рокот толп —
То голуби воркуют утром рано...
И всё уже отдав, сей черный столб
Я не отдам — за красный нимб Руана!

3

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя.
Я руку, бьющую меня, целую.
В грудь оттолкнувшую — к груди тяну,
Чтоб, удивясь, прослушал — тишину.
И чтоб потом, с улыбкой равнодушной:
— Мое дитя становится послушным!
Не первый день, а многие века
Уже тяну тебя к груди, рука
Монашеская — хладная до жара! —
Рука — о Элоиза! — Абеяра.
В гром кафедральный — дабы насмерть бить! —
Ты, белой молнией взлетевший бич!

19 мая 1920, канун Вознесения

* * *

Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей среди бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.
И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться — лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.

17-19 мая 1920

* * *

С.Э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблёклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах, —
И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец — чтоб было всем известно! —
Что ты любим! любим! любим! — любим! —
Расписывалась — радугой небесной.

Как я хотела, чтобы каждый цвел
В веках со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечеркивала — имя...

Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! *внутри* кольца!
Ты — уцелеешь на скрижалях.

18 мая 1920

* * *

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь — прельщусь — смущусь — рванусь.
О милая! — Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки! — Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен
— Смерть — выбью! Верст на тысячу в округе
Растоплены снега и лес спалён.

И если все ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя увести, —
То лишь затем, чтобы смеясь над тленом,
Стихом восстать — иль розаном расцвести!

Около 28 ноября 1920

* * *

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух — не решить по приказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!
Пляшущим шагом прошла по земле! — Неба дочь!
С полным передником роз! — Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! — Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!
Нежной рукой отведа нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорезь зари — и ответной улыбки прорез...
Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Москва, декабрь 1920

* * *

О всеми ветрами
Колеблемый лотос!
Геоργия — робость,
Геоργия — кротость...
Очей непомерных
— Широких и влажных —
Суровая — детская — смертная важность.
Так смертная мука
Глядит из тряпья.
И вся непомерная
Тяжесть копыя.
Не тот — высочайший,
С усмешкою гордой:
Кротчайший Геоργий,
Тишайший Геоργий,
Горчайший — свеча моих бдений — Геоργий,
Кротчайший — с глазами оленя — Геоργий!
(Трепещущей своре
Простивший олень.)
— Которому пробил
Геоργиев день.

О лотос мой!
Лебедь мой!
Лебедь! Олень мой!
Ты — все мои бденья
И все сновиденья!
Пасхальный тропарь мой!
Последний алтын мой!
Ты больше, чем Царь мой,
И больше, чем сын мой!
Лазурное око мое —
В вышину!
Ты, блудную снова
Вознесший жену.
— Так слушай же!..
(*Не dokonчено за письмом*)
14 июля 1921

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

С.Э.

В сокровищницу
Полунощных глубин
Недрогнувшую
Опускаю ладонь.
Меж водорослей —
Ни приметы его!
Сокровища нету
В морях — моего!
В заоблачную
Песнопенную высь —
Двумолнием
Осмелеваюсь — и вот
Мне жаворонок
Обронил с высоты —
Что за морем ты,
Не за облаком ты!
15 июля 1921

* * *

Есть час на те слова.
Из слуховых глушизн
Высокие права
Выстукивает жизнь.

Быть может — от плеча,
Протиснутого лбом.
Быть может — от луча,
Невидимого днем.

В напрасную струну
Прах — взмах на простыню.
Дань страху своему
И праху своему.

Жарких самоуправств
Час — и тишайших просьб.
Час безземельных братств.
Час мировых сиротств.

11 июля 1922

* * *

Лютая юдоль,
Дольняя любовь.
Руки: свет и соль.
Губы: смоль и кровь.

Левогрудый гром
Лбом подслушан был.
Так — о камень лбом —
Кто тебя любил?

Бог с замыслами! Бог с вымыслами!
Вот: жаворонком, вот: жимолостью,
Вот: пригоршнями: вся выплеснута
С моими дикостями — и тихостями,
С моими радугами заплаканными,
С подкрадываньями, забарматываньями.

Милая ты жизнь!
Жадная еще!
Ты запомни вжим
В правое плечо.

Щебеты во тьмах...
С птицами встаю!
Мой веселый вмах
В летопись твою.

12 июня 1922

* * *

Так, в скудном труженичестве дней,
Так, в трудной судорожности к ней,
Забудешь дружественный хорей
Подруги мужественной своей.

Ее суровости горький дар,
И легкой робостью скрытый жар,
И тот беспроволочный удар,
Которому имя — даль.

Все древности, кроме: *дай* и *мой*,
Все ревности, кроме той, земной,
Все верности, — но и в смертный бой
Неверующим Фомой.

Мой неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не бери под кров!
Да здравствует левогрудый ков
Немудрствующих концов!

Но может, в щебетах и в счетах
От вечных женственностей устав —
И вспомнишь руку мою без прав
И мужественный рукав.

Уста, не требующие смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.

15 июня 1922

* * *

Ночные шепота: шелка
Разбрасывающая рука.
Ночные шепота: шелка
Разглаживающие уста.
Счета
Всех ревностей дневных —
и вспых
Всех древностей — и стиснув челюсти —
И стих
Спор —
В шелесте...
И лист
В стекло...
И первой птицы свист.
— Сколь чист! — И вздох.
Не тот. — Ушло.
Ушла.
И вздрог
Плеча.
Ничто
Тщета.
Конец.
Как нет.
И в эту суету сует
Сей меч: рассвет.

17 июня 1922

* * *

Ищи себе доверчивых подруг,
Не выправивших чуда на число.
Я знаю, что Венера — дело рук,
Ремесленник — и знаю ремесло.
От высокаторжественных немот
До полного попрапия души:
Всю лестницу божественную — от:
Дыхание мое — до: не дыши!

18 июня 1922

* * *

Помни закон:
Здесь не владей!
Чтобы потом —
В Граде Друзей:
В этом пустом,
В этом кругом
Небе мужском —
Сплошь золотом —
В мире, где реки вспять!
На берегу — реки¹,
В мнимую руку взять
Мнимость другой руки...
Легонькой искры хруст,
Взрыв — и ответный взрыв.
(Недостоверность рук
Рукопожатьем скрыв!)
О этот дружный всплеск
Плоских как меч одежд —
В небе мужских божеств,
В небе мужских торжеств!
Так, между отрочеств:
Между равенств,
В свежих широтах
Зорь, в загараньях
Игр — на сухом ветру
Здравствуй, бесстрашие душ!
В небе тарпейских круч,
В небе спартанских дружб!
20 июня 1922

* * *

Когда же, Господин,
На жизнь мою сойдет
Спокойствие седин,
Спокойствие высот.

¹ Ударяются и отрываются первый, четвертый и последний слоги: На́ — берегú — реки. — М.Ц.

Когда ж в пратишину
Тех перволюбизн
Высокое плечо,
Всю вынесшее жизнь.

Ты, Господи, один,
Один, никто из вас,
Как с пуховых горбин
В синь горнюю рвалась.

Как под упорством уст
Сон — слушала — траву...
(Здесь, на земле искусств,
Словесницей слыву!)

И как меня томил
Лжи — ломовой оброк,
Как из последних жил
В дерева первый вздрог...

Дерева — первый — вздрог,
Голубя — первый — ворк.
(Это не твой ли вздрог,
Гордость, не твой ли ворк,
Верность?)

— Остановись,
Светопись зорких стрел!
В тайнописи любви
Небо — какой пробел!

Если бы — не — рассвет:
Дребезг, и свист, и лист,
Если бы не сует
Сих суета — сбылись

Жизни б...

Не луч, а бич —
В жимолость нежных тел.
В опромети добыч
Небо — какой предел!

День. Ломовых дрог
Ков. — Началась. — Пошла.
Дикий и тихий вздрог
Вспомнившего плеча.

Прячет...

Как из ведра —
Утро. Малярный мел.
В летописи ребра
Небо — какой пробел!

22–23 июля 1922

* * *

По загарам — топор и плуг.
Хватит — смуглому праху дань!
Для ремесленнических рук
Дорога трудовая рань.

Здравствуй — в ветхозаветных тьмах —
Вечной мужественности взмах!

Мхом и медом дымящий плод —
Прочь, последнего часа тварь!
В меховых ворохах дремот
Сарру-заповедь и Агарь-

Сердце — бросив...

— ликуй в утрах,
Вечной мужественности взмах!

24 июля 1922

* * *

Здравствуй! Не стрела, не камень:
Я! — Живейшая из жен:
Жизнь. Обеими руками
В твой невыспавшийся сон.

Дай! (На языке двуостром:
Нá! — Двуострота змеи!)
Всю меня в простоволосой
Радости моей прими!

Льни! — Сегодня день на шхуне,
— Льни! — на лыжах! — Льни! — льняной!
Я сегодня в новой шкуре:
Вызолоченной, седьмой!

— Мой! — и о каких наградах
Рай — когда в руках, у рта:
Жизнь: распахнутая радость
Поздороваться с утра!

25 июля 1922

* * *

В пустынной хра́мине
Троилась — ладаном.
Зерном и пламенем
На темя падала...

В ночные клёкоты
Вступала — ровнею.
— Я буду крохотной
Твоей жаровнею:

Домашней утварью:
Тоску раскуривать,
Ночную скуку гнать,
Земные руки греть!

С груди безжалостной
Богов — пусть сброшена!
Любовь досталась мне
Любáя: бо́льшая!

С такими путами!
С такими льготами!
Полжизни? — Всю тебе!
По-локоть? — Во́т она!

За то, что требуешь,
За то, что мучаешь,
За то, что бедные
Земные руки есть...

Тщета! — Не выверишь
По амфибрахиям!
В груди пошире лишь
Глаза распахивай,

Гляди: не Логосом
Пришла, не Вечностью:
Пустоголовостью
Твоей щебечущей

К груди...

— Не властвовать!

Без слов и на́ слово —
Любить... Распластаннейшей
В мире — ласточкой.

Берлин, 26 июня 1922

БАЛКОН

Ах, с откровенного отвеса —
Вниз — чтобы в прах и в смоль!
Земной любви недовесок
Слезой солить — доколь?

Балкон. Сквозь соляные ливни
Смоль поцелуев злых.
И ненависти неизбывной
Вздых: выдышаться в стих!

Стиснутое в руке комочком —
Что́: сердце или рвань
Батистовая? Сим примочкам
Есть имя: — Иордань.

Да, ибо этот бой с любовью
Дик и жестокосерд.
Дабы с гранитного надбровья
Взмыв — выдышаться в смерть!

30 июня 1922

* * *

Ночного гостя не застанешь...
Спи и прости навек
В испытаннейшем из пристанищ
Сей невозможный свет.

Но если — не сочти, что дразнит
Слух! — любящая — чуть
Отклонится, но если навзрыд
Ночь и кифарой — грудь...

То мой любовник лавролобий
Поворотил коней
С ристалища. То ревность Бога
К любимице своей.

2 июля 1922

* * *

Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!

Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) — жар, вал...
Бормот — сквозь жимолость — ста жал...
Радуйся же! — Звал!

И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,
Души — что вот уже: лбом в сон.
Ибо — зачем пел?

В белую книгу твоих тишизн,
В дикую глину твоих «да» —
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь — жизнь.

8 июля 1922

* * *

Думалось: будут легки
Дни — и бестрепетна смежность
Рук. — Взмахом руки,
Друг, остановимте нежность.

Не — поздно еще!¹
В рас — светные щели
(Не поздно!) — еще
Нам птицы не пели.
Будь на — стороже!
Последняя ставка!
Нет, поздно уже
Друг, если до завтра!
Земля да легка!
Друг, в самую сердь!
Не в наши лета
Откладывать смерть!
Мертвые — хоть — спят!
Только моим сна нет —
Снам! Взмахом лопат
Друг — остановимте память!

9 июля 1922

* * *

Руки — и в круг
Перепродаж и переуступок!
Только бы губ,
Только бы рук мне не перепутать!
Этих вот всех
Суетностей, от которых сна нет.
Руки воздев,
Друг, заклинаю свою же память!
Чтобы в стихах
(Свалочной яме моих Высочеств!)
Ты не зачах,
Ты не усох наподобье прочих.
Чтобы в груди
(В тысячегрудой моей могиле
Братской!) — дожди
Тысячелетий тебя не мыли...

¹ Ударяется и отрывается первый слог. Помечено не везде. — М.Ц.

Тело меж тел,
– Ты, что мне пропадом был двухзвездным!..
Чтоб не истлел
С надписью: не опознан.

9 июля 1922

БЕРЛИНУ

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Взрагивающих асфальтов вдоль
Копыта – как рукоплесканья.

Поздравствовалося – и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилостивились, казармы!

10 июля 1922

* * *

Удостоверишься – повремени! –
Что, выброшенной на солому,
Не надо было ей ни славы, ни
Сокровищницы Соломона.

Нет, руки за голову заломив,
– Глоткою соловьиной! –
Не о сокровищнице – Суламифь:
Горсточке красной глины!

12 июля 1922

* * *

Светло-серебряная цвель
Над зарослями и бассейнами.
И занавес дохнет – и в щель
Колеблющийся и рассеянный

Свет... Падающая вода
Чадры. (Не прикажу – не двинешься!)
Так пэри к спящим иногда
Прокрадываются в любимицы.

Ибо не ведающим лет
— Спи! — головокруженье нравится.
Не вычитав моих примет,
Спи, нежное мое неравенство!

Спи. — Вымыслом останусь, лба
Разглаживающим неровности.
Так Музы к смертным иногда
Напрашиваются в любовницы.

16 июля 1922

* * *

В сиром воздухе загробном
Перелетный рейс...
Сирой проволоки вздрогги,
Повороты рельс...

Точно жизнь мою угнали
По стальной версте —
В сиром мóроке — две дали.
(Поклонись Москве!)

Точно жизнь мою убили.
Из последних жил
В сиром мороке в две жилы
Истекает жизнь.

28 сентября 1922

ОФЕЛИЯ — ГАМЛЕТУ

Гамлетом — перетянутым — натуго,
В нимбе разуверенья и знания,
Бледный — до последнего атома...
(Год тысяча который — издания?)

Наглостью и пустотой — не тронете!
(Отроческие чердачные залежи!)
Некоей тяжеловесной хроникой
Вы на этой груди — лежали уже!

Девственник! Женоненавистник! Вздорную
Нежить предпочедший!... Думали ль
Раз хотя бы о том — что сорвано
В маленьком цветнике безумия...

Розы?.. Но ведь это же — тссс! — Будущность!
Рвем — и новые растут! Предали ль
Розы хотя бы раз? Любящих —
Розы хотя бы раз? — Убыли ль?

Выполнив (проблагоухав!) тонете...
— Не было! — Но встанем в памяти
В час, когда над ручьёвой хроникой
Гамлетом — перетянутым — встанете...

28 февраля 1923

ОФЕЛИЯ — В ЗАЩИТУ КОРОЛЕВЫ

Принц Гамлет! Довольно червивую залежь
Тревожить... На розы взгляни!
Подумай о той, что — единого дня лишь —
Считает последние дни.

Принц Гамлет! Довольно царицыны недра
Порочить... Не девственным — суд
Над страстью. Тяжеле виновная — Федра:
О ней и поныне поют.

И будут! — А Вы с Вашей примесью мела
И тлена... С костями злословь,
Принц Гамлет! Не Вашего разума дело
Судить воспаленную кровь.

Но если... Тогда берегитесь!.. Сквозь плиты —
Ввысь — в опочивальню — и всласть!
Своей Королеве встаю на защиту —
Я, Ваша бессмертная страсть.

28 февраля 1923

ФЕДРА

1

Жалоба

Ипполит! Ипполит! Болит!
Опаляет... В жару ланиты...
Что за ужас жестокий скрыт
В этом имени Ипполита!

Точно длительная волна
О гранитное побережье.
Ипполитом опалена!
Ипполитом клянусь и брежу!

Руки в землю хотят — от плеч!
Зубы щербень хотят — в опилки!..
Вместе плакать и вместе лечь!
Воспалется ум мой пылкий...

Точно в ноздри и губы — пыль
Геркуланума... Вяну... Слепну...
Ипполит, это хуже пил!
Это суше песка и пепла!

Это слепень в раскрытый плач
Раны плещущей... Слепень злится...
Это — красною раной вскачь
Запаленная кобылица!

Ипполит! Ипполит! Спрячь!
В этом пеплуме — как в склепе.
Есть Элизиум — для — кляч:
Живодерня! — Палит слепень!

Ипполит! Ипполит! В плен!
Это в перси, в мой ключ жаркий,
Ипполитова вза — мен
Лепесткового — клюв Гарпий!

Ипполит! Ипполит! Пить!
Сын и пасынок? Со — общник!
Это лава — взамен плит
Под ступнею! — Олимп взропщет?

Олимпийцы?! Их взгляд спящ!
Небожителей — мы — лепим!
Ипполит! Ипполит! В плащ!
В этом пеплуме — как в склепе!
Ипполит, утоли...

7 марта 1923

2

Послание

Ипполиту от Матери — Федры — Царицы — весть.
Прихотливому мальчику, чья красота как воск
От державного Феба, от Федры бежит...

Итак,

Ипполиту от Федры: стенание нежных уст.
Утоли мою душу! (Нельзя, не коснувшись уст,
Утолить нашу душу!) Нельзя, припадая к устам,
Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...
Утоли мою душу: итак, утоли уста.

Ипполит, я устала. Блудницам и жрицам — стыд!
Не простое бесстыдство к тебе вопиет! Просты
Только речи и руки... За трепетом уст и рук
Есть великая тайна, молчанье на ней как перст.
О прости меня, девственник! отрок! наездник! нет
Ненавистник! — Не похоть! Не женского лона —

блажь!

То она — обольстительница! То Психеи лесть —
Ипполитовы лепеты слушать у самых уст.

— «Устыдись!» — Но ведь поздно! Ведь это

последний всплеск!

Понесли мои кони! С отвесного гребня — в прах —
Я наездница *тоже!* Итак, с высоты трудей,
С рокового двухолмия в пропасть твоей труди!

(Не своей ли?!) — Сумей же! Смелей же!

Нежней же! Чем

В воцаную дощечку — не смуглого ль сердца воск?! —

Ученическим стилосом знаки врезать... О пусть

Ипполитову тайну устами прочтет твоя

Ненасытная Федра...

11 марта 1923

Эвридика — Орфею:

Для тех, отженивших последние клочья
Покрова (ни уст, ни ланит!...)

О, не превышение ли полномочий
Орфей, нисходящий в Аид?

Для тех, отрешивших последние звенья
Земного... На ложе из лож

Сложившим великую ложь лицемерья,
Внутрь зрящим — свидание нож.

Уплочено же — всеми розами крови
За этот просторный покррой
Бессмертья...

До самых летеиских верховий
Любивший — мне нужен покой

Беспамятности... Ибо в призрачном доме
Сем — призрак *ты*, сущий, а явь —

Я, мертвая... Что же скажу тебе, кроме:
— «Ты это забудь и оставь!»

Ведь не растревожишь же! Не повлекуся!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть
Устами! — С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть.

Уплочено же — вспомяни мои крики! —
За этот последний простор.

Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер.

23 марта 1923

РАКОВИНА

Из лепрозория лжи и зла
Я тебя вызвала и взяла

В зори! Из мертвого сна надгробий —
В руки, вот в эти ладони, в обе,

Раковинные — расти, будь тих:
Жемчугом станешь в ладонях сих!

О, не оплатят ни шейх, ни шах
Тайную радость и тайный страх
Раковины... Никаких красавиц
Спесь, сокровений твоих касаясь,
Так не присвоит тебя, как тот
Раковинный сокровенный свод
Рук неприсваивающих... Спи!
Тайная радость моей тоски,
Спи! Застилая моря и земли,
Раковиною тебя объемлю:
Справа и слева и лбом и дном —
Раковинный колыбельный дом.
Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,
Сглаживая... Как ладонью свежей
Скрытые громы студя и нежа,
Нежа и множа... О, чай! О, зрей!
Жемчугом выйдешь из бездны сей.
— Выйдешь! — По первому слову: будь!
Выстрадавшая раздастся грудь
Раковинная. — О, настезь створы! —
Матери каждая попытка в пору,
В меру... Лишь ты бы, расторгнув плен,
Целое море хлебнул взамен!

31 июля 1923

Заочность

Кастальскому току,
Взаимность, заторов не ставь!
Заочность: за оком
Лежащая, вящая явь.
Заустно, заглазно
Как некое долгое lá
Меж ртом и соблазном
Версту расстояния для...

Блаженны длинноты,
Широты забвений и зон!
Пространством как нотой
В тебя удаляясь, как стон
В тебе удлиняясь,
Как эхо в гранитную грудь
В тебя ударяясь:
Не видь и не слышь и не будь —
Не надо мне белым
По черному — мелом доски!
Почти за пределом
Души, за пределом тоски —
...Словесного чванства
Последняя карта сдана.
Пространство, пространство
Ты нынче — глухая стена!

4 августа 1923

Письмо

Так писем не ждут,
Так ждут — письмá.
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри — словцо.
И счастье. И это — всё.

Так счастья не ждут,
Так ждут — конца:
Солдатский салют
И в грудь — свинца
Три дольки. В глазах краснó.
И только. И это — всё.

Не счастья — стара!
Цвет — ветер сдул!
Квадрата двора
И черных дул.

(Квадрата письма:
Чернил и чар!)
Для смертного сна
Никто не стар!

Квадрата письма.

11 августа 1923

МИНУТА

Минута: мѣнущая: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж —
Что завтра б — вырвано из рук!

Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,
Что кончилось. Так лги ж, так лъсти ж

Другим, десятиричной кори
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел

Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: «И сие пройдет» —

На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?

Минута: мающая! Мнимость
Вскачь — медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! Ты, *что минешь*:
Минута: милостыня псам!

О как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминовение минут.

12 августа 1923

Клинок

Между нами – клинок двуострый
Присягнувши – и в мыслях класть...
Но бывают – страстные сестры!
Но бывает – братская страсть!

Но бывает такая примесь
Прерий в ветре и бездны в губ
Дуновении... Меч, храни нас
От бессмертных душ наших двух!

Меч, терзай нас и, меч, пронзай нас,
Меч, казни нас, но, меч, знай,
Что бывает такая крайность
Правды, крыши такой край...

Двусторонний клинок – рознит?
Он же сводит! Прорвав плащ,
Так своди же нас, страж грозный,
Рана в рану и хрящ в хрящ!

(Слушай! если звезда, срываясь...
Не по воле дитя с ладьи
В море падает... Острова есть,
Острова для любой любви...)

Двусторонний клинок, синим
Ливший, красным пойдет... Меч
Двусторонний – в себя вдвинем.
Это будет – лучшее лечь!

Это будет – братская рана!
Так, под звездами, и ни в чем
Неповинные... Точно два мы
Брата, спаянные мечом!

18 августа 1923

МАГДАЛИНА

1

Меж нами — десять заповедей:
Жар десяти костров.
Родная кровь отшатывает,
Ты мне — чужая кровь.

Во времена евангельские
Была б одной из тех...
(Чужая кровь — желаннейшая
И чуждейшая из всех!)

К тебе б со всеми немощами
Влеклась, стлалась — светла
Мась! — очесами демонскими
Таясь, лила б масла

И на́ ноги бы, и по́д ноги бы,
И вовсе бы так, в пески...
Страсть по купцам распроданная,
Расплеванная — теки!

Пеною уст и накипиями
Очес и по́том всех
Нег... В волоса заматываю
Ноги твои, как в мех.

Некою тканью под ноги
Стелюсь... Не тот ли (та!)
Твари с кудрями огненными
Молвивший: встань, сестра!

26 августа 1923

2

Масти, плоченные втрое
Стоимости, страсти пот,
Слезы, волосы, — сплошное
Исструение, а тот,

В красную сухую глину
Благостный вперяя зрак:
— Магдалина! Магдалина!
Не издаривайся так!

31 августа 1923

3

О путях твоих пытаться не буду,
Милая! — ведь все сбылось.
Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос —
И — слез.

Не спрошу тебя, какой ценою
Эти куплены масла́.
Я был наг, а ты меня волною
Тела — как стеною
Обнесла.

Наготу твою перстами трону
Тише вод и ниже трав.
Я был прям, а ты меня наклону
Нежности наставила, припав.

В волосах своих мне яму вырой,
Спеленай меня без льна.
— Мироносица! К чему мне миро?
Ты меня омыла,
Как волна.

31 августа 1923

* * *

С этой горы, как с крыши
Мира, где в небо спуск.
Друг, я люблю тебя свыше
Мер — и чувств.

От очевидцев скрою
В тучу! С золою съем.
...С этой горы, как с Трои
Красных — стен.

Страсти: хвала убитым,
Сущим — срам.
Так же смотрел на битву
Царь — Приам.

Рухнули у — стои:
Зарево? Кровь? Нимб?
Так же смотрел на Трою
Весь О — лимп.

Нет, из прохладной ниши
Дева, воздевши длань...
Друг, я люблю тебя свыше.
Слышь — и — встань.

30 августа 1923

ОВРАГ

1

Дно — оврага.
Ночь — корягой
Шарящая. Встряски хвой.

Клятв — не надо.
Ляг — и лягу.
Ты бродягой стал со мной.

С койки затхлой
Ночь по каплям
Пить — закашляешься. Всласть

Пей! Без пятен —
Мрак! Бесплатен —
Бог: как к пропасти припасть.

(Час — который?)
Ночь — сквозь штору
Знать — немного знать. Узнай

Ночь — как воры,
Ночь — как горы.
(Каждая из нас — Синай

Ночью...)

10 сентября 1923

2

Никогда не узнаешь, что́ жгу, что́ трачу
— Сердце перебой —
На груди твоей нежной, пустой, горячей,
Гордец дорогой.

Никогда не узнаешь, каких не-наших
Бурь — следы сцеловал!
Не гора, не овраг, не стена, не насыпь:
Души перевал.

О, не вслушивайся! Болевого бреда
Ртушь... Ручьевая речь...
Прав, что слепо берешь. От такой победы
Руки могут — от плеч!

О, не вглядывайся! Под листвою падучей
Сами — листьями мчим!
Прав, что слепо берешь. Это только тучи
Мчат за ливнем косым.

Ляг — и лягу. И благо. О, всё на благо!
Как тела на войне —
В лад и в ряд. (Говорят, что на дне оврага,
Может — неба на дне!)

В этом бешеном беге деревьев бессонных
Кто-то насмерть разбит.
Что победа твоя — поражение *сонмов*,
Знаешь, юный Давид?

13 сентября 1923

* * *

По набережным, где седые деревья
По следу Офелий... (Она ожерелья
Сняла, — не наряженной же умирать!)
Но все же
(Раз смертного ложа — неможней
Нам быть нежеланной!
Раз это несносно
И в смерти, в которой
Предвечные горы мы сносим
На сердце!..) — она все немногие вёсны
Сплела — проплывать
Невестою — и венценосной.

Так — небескорыстною
Жертвою миру:
Офелия — листья,
Орфей — свою лиру...
— А я? —

28 сентября 1923

* * *

Древняя тщета течет по жилам,
Древняя мечта: уехать с милым!
К Нилу! (Не на грудь хотим, а в грудь!)
К Нилу — иль еще куда-нибудь
Дальше! За предельные пределы
Станций! Понимаешь, что из тела
Вон — хочу! (В час тупящихся вежд
Разве выступаем — из одежд?)
...За потустороннюю границу:
К Стиксу!..

7 сентября 1923

ПОБЕГ

Под занавесом дождя
От глаз равнодушных кроюсь,
— О завтра мое! — тебя
Выглядываю — как поезд

Выглядывает бомбист
С еще-сотрясеньем взрыва
В руке... (Не одних убийств
Бежим, зарываясь в гриву

Дождя!) Не расправы страх,
Не... — Но облака! но звоны!
То Завтра на всех парах
Проносится вдоль перрона

Пропавшего... Бог! Благой!
Бог! И в дымовую опушь —
Как об стену... (Под ногой
Подножка — или ни ног уж,

Ни рук?) Верстовая снасть
Столба... Фонари из бреда...
О нет, не любовь, не страсть,
Ты поезд, которым еду

В Бессмертье...

14 сентября 1923

* * *

Люблю — но мука еще жива.

Найди баюкающие слова:

Дождливые, — расточившие всё
Сам выдумай, чтобы в их листве

Дождь слышался: то не цеп о сноп:
Дождь в крышу бьет: чтобы мне на лоб,

На гроб стекал, чтобы лоб — светал,
Озноб — стихал, чтобы кто-то спал

И спал...

Сквозь скважины, говорят,
Вода просачивается. В ряд
Лежат, не жалуются, а ждут
Незнаемого. (Меня — сожгут.)

Баюкай же — но прошу, будь друг:
Не буквами, а каютой рук:

Уютами...

24 сентября 1923

* * *

Ты, меня любивший фальшью
Истины — и правдой лжи,
Ты, меня любивший — дальше
Некуда! — За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени. — Десницы взмах!
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

14 декабря 1923

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как живется вам с другою, —
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По́ небу — не по водам!)?
Души, души! — быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оно́го сошед),

Как живется вам — хлопчется —
Ежится? Встается — как?
С пошлюной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любовью —
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? Приестся — не пеняй...
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здесьнею? Ребром — любя?
Стыд Зевесовой вождою
Не охлестывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и на́чисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, бѣз шестых

Чувств?
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

19 ноября 1924

ПРИМЕТЫ

Точно гору несла в подоле —
Всего тела боль!
Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.

Точно поле во мне разъяли
Для любой грозы.
Я любовь узнаю по дали
Всех и вся вблизи.

Точно нору во мне прорыли
До основ, где смоль.
Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль

Стонущей. Сквозняком как гривой
Овеваясь, гунн:
Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн

Горловых, — горловых ущелий
Ржавь, живая соль.
Я любовь узнаю по щели,
Нет! — по трели
Всего тела вдоль!

29 ноября 1924

* * *

Ятаган? Огонь?
Поскромнее, — куда как громко!
Боль, знакомая, как глазам — ладонь,
Как губам —
Имя собственного ребенка.

7 декабря 1924

* * *

Не колесо громовое —
Взглядами перекинулись двое.

Не Вавилон обрушен —
Силою переведались души.

Не ураган на Тихом —
Стрелами перекинулись скифы.

16 января 1925

* * *

Дней сползающие слизи,
...Строк поденная швея...
Что до собственной мне жизни?
Не моя, раз не твоя.

И до бед мне мало дела
Собственных... — Еда? Спать?
Что до смертного мне тела?
Не мое, раз не твое.

Январь 1925

СТИХИ СИРОТЕ

*Шел по улице малютка.
Посинел и весь дрожал.
Шла дорогой той старушка,
Пожалела сироту...*

1

Ледяная тиара гор —
Только брэнному лику — рамка.
Я сегодня плющу — пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан —
Как ребенка за подбородок.

16–17 августа 1936

Обнимаю тебя кругозором
 Гор, гранитной короною скал.
 (Занимаю тебя разговором —
 Чтобы легче дышал, крепче спал.)

Феодального замка боками,
 меховыми руками плюща —
 Знаешь — плющ, обнимающий камень —
 В сто четыре руки и ручья?

Но не жимолость я — и не плющ я!
 Даже ты, что руки мне родней,
 Не расплющен — а вольноотпущен
 На все стороны мысли моей!

...Кругом клумбы и кругом колодца,
 Куда камень придет — седым!
 Круговую порукой сиротства, —
 Одиночеством — круглым моим!

(Так вплелась в мои русые пряди —
 Не одна серебристая прядь!)
 ...И рекой, разошедшейся на две —
 Чтобы остров создать — и обнять.

Всей Савойей и всем Пиемонтом,
 И — немножко хребет надлюмя —
 Обнимаю тебя горизонтом
 Голубым — и руками двумя!

21–24 августа 1936

(Пещера)

Могла бы — взяла бы
 В утробу пещеры:
 В пещеру дракона,
 В трущобу пантеры.

В пантерины — лапы —
 — Могла бы — взяла бы.

Природы — на лоно, природы — на ложе.
Могла бы — свою же пантерину кожу
Сняла бы...

— *Сдала бы трущобе — в учебу!*

В кустову, в хвощёву, в ручьёву, в плющёву, —

Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке,
Сплетаются ветви на вечные браки...

Туда, где в граните, и в лыке, и в млеке,
Сплетаются руки на вечные веки —
Как ветви — и реки...

В пещеру без света, в трущобу без следу.
В листве бы, в плюще бы, в плюще — как в плаще бы...

Ни белого света, ни черного хлеба:
В росе бы, в листве бы, в листве — как в родстве бы...

Чтоб в дверь — не стучалось,
В окно — не кричалось,
Чтоб впредь — не *случалось*,
Чтоб — ввек не кончалось!

Но мало — пещеры,
И мало — трущобы!
Могла бы — взяла бы
В пещеру — утробы.

Могла бы —
Взяла бы.

Савойя,
27 августа 1936

4

На льдине —
Любимый,
На mine —
Любимый,
На льдине, в Гвиане, в Геенне — любимый.

В коросте — желанный,
С погоста — желанный:
Будь гостем! — лишь зубы да кости — желанный!

Тоской подколенной
До тьмы провалённой
Последнею схваткою чрева — жаленный.

И нет такой ямы, и нет такой бездны —
Любимый! желанный! жаленный! болезный!

5–6 сентября 1936

5

Скороговоркой — ручья водой
Бьющей: — Любимый! больной! родной!

Речитативом — тоски протяжней:
— Хилый! чуть-живый! сквозной! бумажный!

От зева до чрева — продольным разрезом:
— Любимый! желанный! жаленный! болезный!

9 сентября 1936

6

Наконец-то встретила
Надобного — мне:
У кого-то смертная
Надоба — во мне.

Что́ для ока — радуга,
Злаку — чернозем —
Человеку — надоба
Человека — в нем.

Мне дождя, и радуги,
И руки — нужней
Человека надоба
Рук — в руке моей.

Это — шире Ладоги
И горы верней —
Человека надоба
Ран — в руке моей.

И за то, что с *язвою*
Мне принес ладонь —
Эту руку — сразу бы
За тебя в огонь!

11 сентября 1936

(7)

В мыслях об ином, инаком,
И ненайденном, как клад,
Шаг за шагом, мак за маком
Обезглавила весь сад.

Так, когда-нибудь, в сухое
Лето, поля на краю,
Смерть рассеянной рукою
Снимет голову — мою.

5–6 сентября 1936

* * *

Когда я гляжу на летящие листья,
Слетающие на бульжный торец,
Сметаемые — как художника кистью,
Картину *кончающего* наконец,

Я думаю (уж никому не по нраву
Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
Что явственно желтый, решительно ржавый
Один такой лист на вершине — забыт.

20-е числа сентября 1936

* * *

В синее небо ширя глаза —
Как восклицашь: — Будет гроза!

На проходимца вскинувши бровь —
Как восклицашь: — Будет любовь!

Сквозь равнодушья серые мхи —
Так восклицаю: — Будут стихи!

1936

* * *

Двух — жарче меха! Рук — жарче пуха!
Круг — вокруг головы.
Но и под мехом — неги, под пухом
Гаги — дрогнете вы!

Даже богиней тысячерукой
— В гнезд, в звезд черноте —
Как ни кружи вас, как ни баюкай
— Ах! — бодрствуете...

Вас и на ложе неверья гложет
Червь (*бедные мы!*).
Не народился еще, кто вложит
Перст — в рану Фомы.

7 января 1940

* * *

Ушел — не ем:
Пуст — хлеба вкус.
Всё — мел.
За чем ни потянусь.

...Мне хлебом был,
И снегом был.
И снег не бел,
И хлеб не мил.

23 января 1940

* * *

— Пора! для *этого* огня —
Стара!
— Любовь — старей меня!
— Пятидесяти январей
Гора!
— Любовь — еще старей:
Стара, как хвощ, стара, как змей,

Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей
Старей! — камней, старей — морей...
Но боль, которая в груди,
Старей любви, старей любви.

23 января 1940

* * *

— Годы твои — гора,
Время твое — царей.
Дура! любить — стара.
— Други! любовь — старей:

Чудищ старей, корней.
Каменных алтарей
Критских старей, старей
Старших богатырей...

29 января 1940

* * *

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Надверный...

Февраль 1941

* * *

«Я стол накрыл
на шестерых...»

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
– «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл – седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах – дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть – седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально – им, печален – сам,
Непозванная – всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
– Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий –
Ты сам – с женой, отец и мать)
Есть семеро – раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых –
Быть призраком хочу – с твоими,
(Своими) ...

Робкая как вор,
О – *ни души* не задевая! –
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Раз! – опрокинула стакан!
И все, что жаждало пролиться, –
Вся соль из глаз, вся кровь из ран –
Со скатерти – на половицы.

И — гроба нет! Разлуки — нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть — на свадебный обед,
Я — жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг — и все же укоряю:
— Ты, стол накрывший на шесть — душ,
Меня не посадивший — с краю.

6 марта 1941

НЕБО ПОЭТА

* * *

Руки, которые не нужны
Милому, служат — Миру.
Горестным званьем Мирской Жены
Нас увенчала Лира.

Много незваных на царский пир.
Надо им спеть на ужин!
Милый не вечен, но вечен — Мир.
Не понапрасну служим.

6 июля 1918

* * *

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется — возмездье
За то, что каждый раз,
Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.
Что самодержцем Вас признав на веру,
— Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без Вас мне не был пуст!

Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных —
Рифм только, а не уст.
Возмездие за то, что злейшим судьям
Была — как снег, что здесь, под левой грудью
Вечный апофеоз!

Что с глазу на́ глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!

20 мая 1920

* * *

Душа, не знающая меры,
Душа хлыста и изувера,
Тоскующая по бичу.
Душа — навстречу палачу,
Как бабочка из хризалиды!
Душа, не съевшая обиды,
Что больше колдунов не жгут.
Как смоляной высокий жгут
Дымящая под власяницей...
Скрежещущая еретица,
— Саванароловой сестра —
Душа, достойная костра!

10 мая 1921

* * *

Косматая звезда,
Спешащая в никуда
Из страшного ниоткуда.
Между прочих овец приبلуда,
В златорунные те стада
Налетающая, как Ревность —
Волосатая звезда древних!

10 мая 1921

* * *

О первое солнце над первым лбом!
И эти — на солнце прямо —
Дымящие — черным двойным жерлом —
Большие глаза Адама.
О первая ревность, о первый яд
Змеинный — под грудью левой!
В высокое небо вперенный взгляд:
Адам, проглядевший Еву!

Врожденная рана высоких душ,
О Зависть моя! О Ревность!
О всех мне Адамов затмивший Муж:
Крылатое солнце древних!

27 апреля 1921

* * *

Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны в Елисейские Поля
Вступившие, не обольстившись негой.

Так лавр растет, — жестоколист и трезв,
Лавр-летописец, горячитель боя.
— Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любви.

4 октября 1921

* * *

Не приземист — высокоросл
Стан над выравненностью грядок.
В густоте кормовых ремесл
Хоровых не забыла радуг.

Сплю — и с каждым батрацким днем
Тверже в памяти благородной,
Что когда-нибудь отдохнем
В верхнем городе Леонардо.

27 января 1922

Дочь Иаира

1

Мимо иди!
Это великая милость.
Дочь Иаира простилась
С куклой (с любовником!)
и с красотой.
Этот просторный покррой Юным к лицу.

В просторах покроя —
Потерянность тела,
Посмертная сквозь.

Девнца, не скроешь,
Что кость захотела
От косточки врозь.

Зачем, равнодушный,
Противу закону
Спешащей реки —

Слез женских послушал
И отчего стону —
Душе вопреки!

Сказал — и воскресла,
И смутно, по памяти,
В мир хлеба и лжи.

Но поступь надтреснута,
Губы подтянуты,
Руки свежи.

И всё как спросоньца
Немеют конечности.
И в самый базар

С дороги не тронется
Отвесной. — То Вечности
Бессмертный загар.

Привыкнет — и свыкнутся.
И в белом, как надобно,
Меж плавных сестер...

То юную скрытницу
Лавиною свадебной
Приветствует хор.

Рукой его согнута,
Смеется — всё заново!
Всё роза и гроздь!

Но между любовником
И ею — как занавес
Посмертная сквозь.

3-4 февраля 1922

СИВИЛЛА

1

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но Бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
Все жилы высохли: ревностен муж!

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! — Древо меж дев.

Державным деревом в лесу нагом —
Сначала деревом шумел огонь.

Потом, под веками — в разбег, врасплох,
Сухими реками взметнулся Бог.

И вдруг, отчаявшись искать извне:
Сердцем и голосом упав: во мне!

Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот

Час не стареющий, так в седость трав
Бренная девственность, пещерой став

Дивному голосу...

— так в звездный вихрь

Сивилла: выбывшая из живых.

5 августа 1922

2

Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство.
Тело твое — пещера
Голоса твоего.

Недрами — в ночь, сквозь слепость
Век, слепотой бойниц.
Глухонемая крепость
Над пестротою жниц.

Кутают ливни плечи
В плащ, плесневеет гриб.
Тысячелетья плещут
У столбняковых глыб.

Горе горé! Под толщей
Век, в прозорливых тьмах —
Глиняные осколки
Царств и дорожный прах
Битв...

6 августа 1922

3

Сивилла — младенцу¹:

К груди моей,
Младенец, льни:
Рождение — паденье в дни.

С заоблачных нигдешних скал,
Младенец мой,
Как низко пал!
Ты духом был, ты прахом стал.

Плачь, маленький, о них и нас:
Рождение — паденье в час!

Плачь, маленький, и впредь, и вновь:
Рождение — паденье в кровь,

И в прах,
И в час...

Где зарева его чудес?
Плачь, маленький: рожденье в вес!

¹ Стихотворение перенесено сюда из будущего, по внутренней принадлежности. (Прим. М. Цветаевой.)

Где залежи его щедрот?
Плачь, маленький: рожденье в счет,
И в кровь,
И в пот...
Но встанешь! То, что в мире смертью
Названо — паденье в твердь.
Но узришь! То, что в мире — век
Смежение — рожденье в свет.
Из днесь —
В навек.
Смерть, маленький, не спать, а встать,
Не спать, а вспять.
Вплавь, маленький! Уже ступень
Оставлена...
— Восстанье в день.
17 мая 1923

ДЕРЕВЬЯ

*(Моему чешскому другу,
Анне Антоновне Тесковой)*

1

В смертных изверясь,
Зачароваться не тщусь.
В старческий вереск,
В среброскользящую сушь.
— Пусть моей тени
Славу трубят трубачи! —
В вереск-потери,
В вереск-сухие ручьи.
Старческий вереск!
Голого камня нарост!
Удостоверясь
В тождестве наших сиротств.

Сняв и отринув
Ключья последней парчи —
В вереск-руины,
В вереск-сухие ручьи.

Жизнь: двоедушье
Дружб и удушье уродств.
Седью и сухью,
(Ибо вожатый — суров.)

Ввысь, где рябина
Краше Давида-Царя!
В вереск-седины,
В вереск-сухие моря.

5 сентября 1922

2

Когда обидой — опилась
Душа разгневанная,
Когда семижды зареклась
Сражаться с демонами —

Не с теми, ливнями огней
В бездну нисхлестнутыми:
С земными низостями дней,
С людскими косностями —

Деревья! К вам иду! Спаситесь
От рева рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!

Дуб богоборческий! В бои
Всею корнем шествующий!
Ивы-провидицы мои!
Березы-девственницы!

Вяз — яростный Авессалом,
На пытке вздыбленная
Сосна — ты, уст моих псалом:
Горечь рябиновая...

К вам! В живоплещущую ртуть
Листвы — пусть рушащейся!
Впервые руки распахнуть!
Забросить рукописи!

Зеленых отсветов рои...
Как в руки — плещущие...
Простоволосые мои,
Мои трепещущие!

8 сентября 1922

3

Купальщицами, в легкий круг
Сбитыми, стаей
Нимф-охранительниц — и вдруг,
Гривы взметая

В закинутости лбов и рук,
— Свиток развитый! —
В пляске кончающейся вдруг
Взмахом защиты —

Длинную руку на бедро.
Вытянув выю...
Березовое серебро,
Ручьи живые!

9 сентября 1923

4

Други! Братственный сонм!
Вы, чьим взмахом сметен
След обиды земной.
Лес! — Элизиум мой!

В громком таборе дружб
Собутыльница душ
Кончу, трезвость избрав,
День — в тишайшем из братств.

Ах, с топочущих стогн
В легкий жертвенный огонь
Рощ! В великий покой
Мхов! В струение хвой...

Древа вещая весть!
Лес, вещающий: Есть
Здесь, над сбродом кривизн —
Совершенная жизнь:

Где ни рабств, ни уродств,
Там, где всё во весь рост,
Там, где правда видней:
По ту сторону дней...

17 сентября 1922

5

Беглецы? — Вестовые?
Отзовись, коль живые!
Чернецы верховые,
В чашах Бога узрев?

Сколько мчащих сандалий!
Сколько пышущих зданий!
Сколько гончих и ланей —
В убеганье дерев!

Лес! Ты нынче — наездник!
То, что люди болезнью
Называют: последней
Судорогою древес —

Это — в платье просторном
Отрок, нектаром вскормлен.
Это — сразу и с корнем
Ввысь сорвавшийся лес!

Нет, иное: не хлопья —
В сухолистом потопе!
Вижу: опрометь копий,
Слышу: рокот кровей!